

ЛЮДМИЛА
ПОПОВА

ПРАССИОНАТА

ЛЮДМИЛА
ПОПОВА

*И*спассионата
СТИХИ И ПОЭМЫ

ГП

Советский писатель
Ленинградское отделение

1970

Форштадт
Романтизм
и Французская литература
в женской
литературе
Мюнхенского
университета
Мюнхен
6/5/70г.

В книгу «Аппассионата» вошли самые дорогие для меня стихотворения и поэмы из тех, что были опубликованы мною на протяжении сорока лет. Стихи эти о моих современниках, дружба и встречи с которыми оставили в душе неизгладимый след.

В книгу включены и ранние лирические стихотворения, с них я начала свой творческий путь.

Наиболее близкие мне темы — это тема, связанная с нашими героями-летчиками — с ними я прошла дороги Великой Отечественной войны, — а также тема искусства, музыки. Стихи о мужестве и творчестве органически связанны, перекликаются между собой и являются как бы звеньями единого поэтического целого.

Софья Коновалова

1945, "Дорога", Краснодар

Людмила ПОПОВА

ДЕРЕВО ДРУЖБЫ

«Надо ж
сделать
что бы лучше
когда будущий
роке тихий
сокровищ
деревенский
мой Дерево,
Дерево, Дерево,
Дерево»
Людмила Попова 1951

Люди пишут не только родным или близким,
Мчатся письма по рельсам,
летят в облаках...

Люди пишут на русском,
французском, английском,
На японском, арабском —
на всех языках.

Пишут: «Самому доброму Дереву в мире».
Пишут: «Дереву дружбы»...
Люди пишут о мире.

И не только друзьям
люди шлют сувениры,
И не только любимым
посыпают подарки,—
Фотографии, книги,
скульптуры и марки
Адресованы:
«Сочи. Дереву мира».

И бывают посылки,
ценной величайших сокровищ:
С могилы Чайковского
землю прислал Шостакович...
...Из Ясной Поляны,
из Пятигорска

И трехлетней осады,
и борьбы беспощадно суповой,
И победы над смертью —
Ленинград! Ленинград!
И сияют плодами высокие ветки героям,
Нагибаются к ним,
из легенд приходящим сюда;
И взвивается песня:
— Войне мы дорогу закроем,
И колышутся листья:
— Навсегда, навсегда.

Но еще нам не сладить с военными снами,
И все пристальней смотрим мы в память свою,
И погибшие в битвах наши воины с нами
На века молодые на побережья встают.

Здесь росток мандарина, стараясь не плакать,
Прививала на Дереве Иси Ханако.
Ветер челку трепал над округлою бровью,
И горели глаза незакатной любовью.

— Он боролся за мир,—
— говорила Иси,—
Отдал жизнь он за счастье людей,
за Россию...

Имя рыцаря зоркой советской разведки —
Имя Рихарда Зорге я даю моей ветке.
И запела на Дереве необычная птица,
И любви иероглиф на скрижальке лучится.

Здесь вижу я ветку лимона,—
Ее прививал Хо Ши Мин,—
С мечтой о земле обновленной,
Без войн, без снарядов и мин...
И знал он, за счастье Свободы
Вьетнам постоит до конца,
И верил в победу народа
Он сердцем вождя и борца.

Но с безрассудством упрямым
Бесчинствуют мира враги,
Машины их в небе Вьетнама
Преступные чертят круги.

И падают бомбы на пальмы,
На зреющий рис, на поля,
Сжигают селенья напаллом,
И стоят и подают замы.

С места дуэли на черной речке
К подножию Дерева

горстка за горсткой
Ложится земля с молчаливою речью:
— Я воля народа,
я сила народа,
Защита твоя от любой непогоды.

И ко мне протянуло ты ветви свои;
Я с тобою увиделась, Дерево дружбы,
Здесь, где солнце подолгу в зените стоит,
Здесь, где море под ветром качается южным.
Светят множеством маленьких солнц золотых
Небывалые цитрусы в листьях густых,
А над ними скрижальки,
где на все времена

Пишет Дружба сама
имена, имена...

И я слышу, как Дерево мне говорит:
— Первым здесь побывал

Отто Юльевич Шмидт.
Здесь провел он в крутом, в предвоенном году
Целый день в нашем сочинском мирном саду...
Те же высились пальмы и тот же бамбук,
Так же пламенно розы сияли вокруг...
Мы хотели, чтоб здесь отогреться он мог
От полярных ночей, экспедиций, тревог...
И на ветви мои он смотрел изумленно —
На соседство грейпфрутов, мандаринов,
лимонов...

И тогда ему тайну открыл садовод,
Как рождается новый мичуринский плод.
И, прививочный ножичек взяв, увлеченный,
Первый рейс в садоводство
предпринял ученый.

Незабытое прошлое с будущим слито:
Видит Дерево тех, кто учился у Шмидта,
И хранит, бережет его доброе имя
Изумрудная ветка, привитая ими.

Продолжается жизнь,
вдохновенья огонь не остужен,
И сердца неуемною жаждой открытый горят.

Рисунок Ю. КОСМЫНИНА.

На большие зимовки —
на Северный полюс и Южный —
Вновь и вновь посыпает ученых своих
Ленинград.
Ленинград!
Через все расстоянья прошло это слово —
Память Залпа,
потрясшего Землю полвека назад,

И небо над Красной рекою.
И волны в ней крови красней,
И с горькой, с бесслезной тоскою
Шлют матери в бой сыновей.

Но джунгли, и горы, и море
Встают за Свободу свобод,
И в час испытаний и горя
Приходит к народу народ.

У мира друзей миллионы,
Войну Человек победит.
Уже от корней и до кроны
Все Дерево дружбы гудит.

Вот имя — Ван Клиберн,—
Зарею скрижальку зажглась,
Искусство свое
принеся к нам из-за океана,
Сюда приезжал он,
здесь думал о людях и странах,
И с Дерева дружбы
не сводил зачарованных глаз.

Его неподдельным восторгом растроган,
Просил садовод, чтоб на ветке любой
Оставил Ван Клиберн прививку-автограф.
— О, уез! — отвечал он, кивнув головой.

Чуть тронул зелёные клавиши ветер,
Прильнула к ладоням прохлада ветвей,
Магическим ножичком ветку пометив,
Сказал он:

— В честь всех на земле матерей!
И тут он услышал в какой-то момент,
Как ветка под пальцами тихо запела.
Казалось, в руках его был инструмент,
Который любил и которым владел он.
Все музыкой стало:

и море, и ветер,
Младенческой почки таинственный рост.
Все музыкой стало,
и в первом на свете,

В единственном Дереве дружбы слилось.
А Дерево пело на всех языках,
Оно говорило на разных наречьях,
И слушал он струны сердец человечьих
В развесистых ветках и юных ростках.
Свое завершив непривычное дело,
Он ветку погладил,
сиял его взгляд.

А Дерево пело,
а Дерево пело,
И музыку мира ловила Земля.

А помнишь ли, Дерево, как ты трепетало
И к небу тянулся твой каждый росток,
Когда первозданной звездой пролетал он
Вокруг шара земного,
корабль «Восток»?

А после второй,
и четвертый, и пятый...
В гостях у созвездий,
в краях необъятных...
И женщины голос из дальней далі,
И блеск ее глаз на экранах Земли.
Тебя окружали цикады и птицы:
— О Дерево дружбы,
вернется ль она?
Ты кроной качало:
— Она возвратится...

Ты им отвечало:
— Вернуться должна!
И звездные встретились люди с тобой,
И женщина, срезав грейпфрут наливной,
На равные дольки его разделила,
И соком его, как живою водой,
Она своих славных друзей напоила.
За этим нежнейшим подарком Земли
Им виделись клады ее и богатства,
И новые дали, где их корабли
Проходят орбитами дружбы и братства.

А на Родину Ленина
посылают народы
Самолеты содружества
и надежд пароходы,
И с востока и запада,
с севера, с юга

Здесь встречаются люди,
находят друг друга.

Говорят, если б не было в мире «Авроры»,
Разве Дерево дружбы открылось бы взорам?
И болгарин по-братски обнимается с чехом,
Поля Робсона голос повторяется эхом...

В их ладонях плоды с апельсинами.
Будут миру светить своим радужным светом.

Так вот почему

я к тебе прихожу, как на службу,—
На заветную службу
стиха, и любви, и мечты...

Рядом дети поют:

«Пусть всегда будет Дерево дружбы!..»—
Африканские дети...

Понимаешь ли ты?..

— Понимаю! —

Ты мне отзываешься шумом ветвей.

Мир еще не устроен,

тревожно еще на планете,

Только слышу, как веет

великого времени ветер —

Ветер жизни для белых,

и черных, и желтых детей.

Так с тобой говорю я

и верю: военной метели

Не дадим мы подкрасться

к твоей шелковистой коре.

Снегом белых цветов

вновь и вновь покрывайся в апреле,

Золотые плоды свои

людям дари в ноябре.

Если ж станет мне тugo

в каком-нибудь жизненном споре

Иль в полете моем

облаков потускнеют слои,

Добрыйм голосом друга

ты окликнешь меня с Черноморья,

Сквозь пространство и время

протянешь мне ветви свои.

Солнце клонится к морю,

а встречи здесь все откровенней,

Все несут к тебе люди

сердец непреклонных накал,

И читают стихи

под твою широкою сенью,

И на скрипках играют,

и поют «Интернационал».

Ленинград.